

Майкл Эльман

ВАНКУДЕРСА

или Третий крестовый поход мормонов

Неисторическая фантазмогория

Майкл Эльман

**Ванкудесса, или третий
крестовой поход мормонов**

«Автор»

2026

Эльман М.

Ванкудесса, или третий крестовой поход мормонов / М. Эльман —
«Автор», 2026

Происходит распад реальности. Мир потерял историю, ибо она деградировала и превратилась в биологическую борьбу за существование. Ванкудесса это не альтернативная история, скорее это некая попытка вернуться к истории мифологической, в которой участвуют и высшие силы. В романе происходит много чудес, которые описаны так, что в них хочется верить.

© Эльман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Майкл Эльман

Ванкудесса, или третий крестовой поход мормонов

От автора

Замысел этой книги возник в начале весны на пляже в Ванкувере. Погода была прекрасной, на небе ни одного облачка, воздух прогрелся до температуры вполне приличного московского лета, вдоль берега ходили важные белоснежные чайки, выискивая среди камней мелких крабов. Отлив только начался, и добычи у них было не так уж и много, и как только одной из них удавалось что-либо найти, к ней тут же подлетали товарки, но не для того, чтобы попытаться отнять добычу, а просто чтобы полюбопытствовать и оценить находку. Некоторые из них (как я полагаю, из вежливости) начинали свои собственные поиски где-нибудь неподалёку, но никакого галдежа и разборок не возникало. Я сидел на огромном бревне, которое, очевидно, было выброшено волнами на берег (несколько рядов таких брёвен были живописно уложены вдоль пляжа, что, собственно, и представляло собой всё его оборудование). Чуть выше пляжа, параллельно берегу, среди живописных лужаек и тенистых деревьев, проходила аккуратная асфальтированная дорожка, по которой блаженно прогуливались совершенно разомлевшие от такой тёплой и ласковой весны жители города. Подивившись воспитанности ванкуверских чаек, я начал осматривать дальний берег залива, северную часть города и горы, вплотную подходившие к берегу океана, с их вершин ещё не сошёл снег. Очевидно, девственно чистый, насыщенный кислородом и запахом водорослей, охмеляющий воздух гор и океана действовал на меня. Мне вдруг неудержимо захотелось искупаться в океане. Моя деловая поездка в Ванкувер была случайной, и я не был уверен, что мне удастся посетить этот райский уголок ещё один раз, а уехать отсюда не искупавшись представлялось мне весьма обидной нереализованной возможностью. Конечно же, я понимал, что это не Рио-де-Жанейро, но мне приходилось купаться в Енисее, и даже в Байкал я окунулся с головой, ну, словом — где наша не пропадала! Аккуратно разложив на бревне отутюженные брюки и белую рубашку с галстуком, я с разбегу плюхнулся в океан. Океан отозвался на моё вторжение тысячью огненных укусов, явно пытаясь выбросить меня обратно. Что-то подсказывало мне, что я выбрал плохое время, океан был явно не в настроении со мной общаться. Но тем не менее я решил его покорить и на глазах изумлённой публики проплыл метров тридцать брассом, стараясь поднять как можно больше брызг, полагая, что это поможет мне согреться. Выбравшись на берег и усевшись на бревне, чтобы обсохнуть, я ощутил довольно сильную боль в левой стопе. Решив, что это мышечный спазм, я начал энергично её разминать, но боль не проходила, а, наоборот, становилась всё сильнее и сильнее. С большим трудом я оделся и добрался до своего отеля, благо он располагался как раз напротив пляжа. Наутро боль не прошла, я боялся даже слегка наступить на больную ногу. Найденный в телефонной книге доктор-китаец после осмотра отказался делать мне иглоукалывание. Вместо этого он наложил мне на стопу повязку с какой-то целебной мазью и приказал во избежание более серьезных последствий три дня не двигаться. Я позвонил в компанию, где я работал; оказалось, всё, включая питание и проживание в отеле, покрывается моей медицинской страховкой. Об истинной причине моей внезапной болезни я, разумеется, умолчал. Сидеть в отеле три дня, щелкая пультом телевизора, было выше моих сил. Менеджер отеля, который очень внимательно отнесся к визиту доктора, подарил мне весьма элегантную трость, любезно оставленную в отеле полгода назад одним английским джентльменом. Всё, на что меня хватало, это добраться до скамейки, стоящей у дорожки как раз напротив того места

на пляже, где я так неудачно искупался, и часами неподвижно созерцать корабли на рейде, бухту и живописные берега Ванкувера. Не оставил я без внимания и ванкуверцев, благо за полчаса их проходило мимо меня больше сотни (от нечего делать я произвёл и такой подсчёт). По ночам я спал плохо, нога жутко болела, к тому же сказывалась разница во времени. Я принимал туленол и пытался заснуть, читая на ночь Библию на английском (других книг в отеле не было). Под утро ко мне приходили странные видения, после чего мне удавалось часок -другой подремать. Через три дня я улетел из Ванкувера. Трость осталась у меня, я её на всякий случай храню. Когда какое-нибудь облако долетает от Тихого океана до того места, где я живу, боль в ноге всё ещё даёт о себе знать. Вернувшись домой и покопавшись в библиотеках, я решил, что обязан написать эту книгу, хотя особенности сюжета делали эту задачу крамольной и трудновыполнимой. Я ни в коей мере не настаиваю на некоторой доле реальности или возможности нижеизложенных событий. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Я даже не стремился придать повествованию хотя бы кажущееся правдоподобие, ибо то, что появилось как видение, имеет право оставаться таким, как привиделось.

Глава 1

У ребе Шломо Зальцмана пропала корова. Дочка ребе Ривка ещё задолго до захода взяла верёвочку и пошла к окраине местечка, где хозяева обычно встречали коров, которых пастух пригонял с оврагов, тянувшихся вдоль извивавшейся вокруг местечка речушки. Где-то по дороге она заигралась и вспомнила о Милке, когда сумерки уже сгущались. На обычном месте уже никого не было. Ривка побегала немного вокруг огородов. Милка была корова шкодливая и вполне могла забраться кому-нибудь в картошку, а то и, чего доброго, добраться до капусты; крику было бы не оберёшься. Однако Милки нигде не было. Девочка побежала к соседям: их корова была уже в хлеву. Милку они не видели, хотя обычно коровы шли домой вместе, на ходу пощипывая траву вдоль заборов, явно полагая, что заборная трава мягче и вкуснее, чем овражная, а заодно как бы нечаянно пытаясь просунуть голову между жердями, чтобы дотянуться до чего-нибудь более привлекательного. Ривка побежала к дому хромого Якова, пастуха в местечке не было, и коров пасли по очереди. Племянник дяди Якова, пригнавший коров с пастбища, уверил Ривку, что корова была в стаде, и он видел, как она сама направилась в сторону дома рабби. Девочка побежала домой, радостно надеясь, что Милка уже дома. Стало уже почти совсем темно, и по дороге она потеряла верёвочку. Вместо коровы у калитки дома она увидела отца. Лея, жена ребе Зальцмана обеспокоенная отсутствием дочери, оторвала его от вечерней молитвы и послала на поиски. Глотая слёзы, девочка начала сбивчиво рассказывать, как она искала Милку. К концу рассказа она совсем разрыдалась. На её плач из дому выскочила мать с двумя младшими сестрёнками. Едва разобравшись в сути происшествия, она начала причитать.

— О, горе нам, Шломо! Пропала корова, а с ней и верёвочка! Корову теперь съедят волки, а мы что будем есть!

Ребе жил бедно, корову всё же он надеялся найти, а вот пропажа верёвочки его самого огорчила.

— Ну что ты так завелась, на ночь глядя? Никуда корова не денется. Коровы - животные стадные, потерявшись, они прячутся где-нибудь на ночь, а утром находят своё стадо.

— Шломо, что ты говоришь? Это в твоём Талмуде так написано, что коровы находят стадо, а наша корова его искать не будет. Она, если потеряется, то потеряется. Ты за хозяйством не смотришь (в доме, помимо коровы, было ещё несколько кур), ты только читаешь свои книги и молишься Богу, а свою корову знать не знаешь и знать не желаешь.

В словах Леи была доля истины. Милка была скотина хоть и кошерная, но ужасно вредная и самовольная, к тому же ребе она недолюбливала и за хозяина не считала.

— Ну, тогда всё равно её кто-нибудь найдёт. Меня все вокруг на двадцать верст знают. Найдут корову и приведут её прямо к нам во двор.

Ребе скромничал: молва о его благочестии простиралась гораздо дальше.

— А, может, и не приведут, может, её цыганам продадут, и поминай потом как звали.

Ребе понял, что Лея не успокоится и будет пилить его до утра, даже во сне бормоча причитания. И он решил ретироваться.

— Всё, уведи детей в дом, я сам пойду её искать.

Он подтолкнул Ривку к матери. Взял прислонённый к калитке посох и решительно направился по уже плохо различимой тянущейся вдоль заборов дорожке в сторону выгона.

— Где ты её сейчас найдёшь? Сам заблудишься и пропадёшь, — услышал он себе вослед.

Шломо не стал отвечать, он просто намеревался пройтись по местечку, и если Милка не обнаружится, то не торопясь вернуться домой, надеясь, что к этому времени жена уже немного успокоится.

На улочках местечка было пустынно, и ребе с полчаса прогуливался, повторяя про себя прерванную вечернюю молитву. Потом он помолился о возвращении коровы и со спокойной душой повернул домой. Но к тому времени уже взошла луна, местечко осветилось её бледно-жёлтым цветом, и ребе решил, что будет хорошо, если он пройдёт по краю оврага и посмотрит вниз. Милка была весьма распространённой в этой местности коровой чёрно-белой породы, и её белые пятнистые бока и даже чёрная голова с большой белой звёздочкой должны быть хорошо видимы на расстоянии.

Когда Шломо по извилистой тропинке подошел к краю оврага, его взору открылась величественная картина. Луна светила уже в полную силу, обращённые к ней склоны оврага отсвечивали спокойным зеленовато-голубым сиянием, тёмная полоска реки, лежащая внизу, отражала в себе яркие звёзды и тёмно-синее марево небосвода, пространство за рекой, наполненное покоем, было тихо и неподвижно. Божье творение раскрывало себя в совершенной красоте и холодном вселенском безразличии. Ребе осторожно уселся на ещё не покрытой росой траве и предался созерцанию.

Ни одна мысль не посещала его, он внимал немой гармонии природы и какой-то выступающей из неё щемяще тоскливой удалённости Бога. В такие минуты сомнения одолевали его душу. Чтобы укрепить себя в вере, он прочёл ещё одну молитву. Ничто не отозвалось в его душе. Шломо подождал ещё немного и со вздохом вслух произнёс:

— О Господи, если ты не хочешь со мной говорить, дай мне хотя бы знак, что Ты есть, покажи мне, где эта корова!

И в тот же миг он её увидел.

Милка стояла в двадцати шагах от ребе, вытянув рогатую голову почти в одну линию с шеей, будто собираясь замыкать, и глядя вверх прямо на луну. Возможно, пока Шломо молился, она незаметно подошла к краю обрыва. Ребе приходилось видеть, как коровы смотрят в лужи, однако зачем корове смотреть на луну? Шломо пригляделся внимательней к блестящему лунному диску и с удивлением различил в его тёмных пятнах контуры массивной бычьей головы. Невесть откуда набежавшее на луну небольшое продолговатое облачко как бы дорисовывало бычьей голове достающие до звёзд огромные серебристые рога. Шломо даже показалось, что голова шевелится. Пока ребе пристально разглядывал лунные пятна, серебристое облачко оторвалось от луны и растворилось в темноте. Видение исчезло. Шломо покоился в сторону, корова осталась, она повернулась в сторону ребе и опасливо его рассматривала. Ребе начал медленно приближаться к ней сбоку, на ходу снимая с себя бекише, чтобы обмотать его Милке вокруг рогов и отвести домой.

— Смотри, Милка, это я, ребе Зальцман, твой хозяин. Не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю. Мы сейчас вместе пойдём домой, и я дам тебе кусочек хлеба с солью.

Так приговаривая, ребе приблизился к настороженно стоящей Милке, охватил одной рукой её тёплую шею, а другой накинул бекише ей на рога. Милка, казалось, только этого и ждала. Она резко рванулась вперёд, заставив Шломо, боявшегося её упустить, бежать в обнимку с ней. У края оврага она перешла на галоп, отчего тщедушный ребе, подброшенный мощным движением Милкиного торса, оказался распластанным у неё на спине, а затем Милка, изо всех сил оттолкнувшись от земли всеми четырьмя копытами, взлетела над оврагом вместе с насмерть перепуганным ребе.

Глава 2

Шломо пришёл в себя, когда Милка, набирая высоту, сделала полукруг над речкой и начала быстро удаляться от местечка. Ребе, стараясь не смотреть вниз, ухватился правой рукой за свободный конец своего бекише, свисающий с Милкиных рогов (левой рукой он всё ещё обнимал Милкину шею) и, устроившись на коровьей спине понадежнее, попытался использовать своё бекише как вожжи и чуть-чуть натянул зажатый в руке его конец, чтобы принудить Милку развернуться. Милка повернула голову и покосилась на ребе дьявольским красным глазом, но направление полёта не поменяла. Шломо попробовал потянуть ещё раз посильнее и неожиданно получил в ответ хлёсткий удар хвостом, от которого он едва не съехал с коровьей спины.

— О Господи, - взмолился ребе, - зачем ты даровал корове такой длинный хвост?

Ребе показалось, что позади него кто-то хмыкнул, однако оглянуться он не решился. Под ним с огромной скоростью проносились освещённые бледным светом луны луга и пашни, темными полосами проскакивали леса, за несколько мгновений они пересекли большую реку, по поверхности которой за ними неслась их огромная тень, напоминающая двуглавого дракона.

— Наверно, я умер, — подумал Шломо, — и ангел переносит меня в иной мир.

Однако ни в Танахе, ни в Талмуде ничего не говорилось об ангелах в образе коровы. А вот сатана мог вселиться в любое животное. От этой мысли ребе стало не по себе, и, чтобы окончательно не запаниковать, он мудро решил подойти к вопросу с другой стороны. А почему Бог захотел, чтобы ребе Шломо Зальцман оседлал сатану? Наверное, Бог решил испытать его. Да, ребе, да, ты должен доказать силу своей веры. Ибо праотец твой Исаак боролся с Богом всю ночь, и Бог не победил его, а только повредил состав его бедра. Так неужели ты, ребе, не одолеешь сатану? Шломо прочёл молитву, которой научил его отец, и почувствовал прилив духа. Он даже представил себе, как на глазах у всей общины он наутро приземляется на Милке посреди местечка, возле лавки кривого Хаима, и рассказывает всем, как Бог решил испытать его и потому позволил сатане овладеть его коровой, и как он боролся с сатаной и победил, изгнав его из Милки. Молва о чуде, свершённом великим цадиком, дойдёт до каждого еврейского домика по всей Российской империи и даже дальше. Шломо возгордился: дело было за малым - изгнать дьявола! Ребе был признанным знатоком Танаха, Каббалы и хасидских книг. Чуть-чуть приподнявшись, он стал раскачиваться из стороны в сторону и нараспев читать древнее заклинание против нечистых сил, закончив его строкой из псалма: «Шивити Адонай ле-негди тамид». (Вижу Господа перед собой всегда).

Однако заклинание не подействовало. Милка продолжала свободный полёт как ни в чём не бывало, бока её подымались и опускались в такт могучему дыханию. Судя по всему, летать ей нравилось, она посапывала носом и даже начала жевать жвачку, ритмично двигая челюстями. Никаких признаков усталости в ней не появлялось. Поняв, что одним заклинанием сатану не проймёшь, Шломо осторожно стянул своё бекише с Милкиных рогов и, разорвав его вдоль шва почти до конца, подпоясал им Милку, завязав его концы прямо перед собой. Просунув свои ноги между получившейся подпругой и коровьими боками и почувствовав себя куда как более безопасно, ребе вытянулся вперёд и, ухватив Милку руками за рога, начал поворачивать её голову вниз, предвосхищая тем самым направление самолёта на посадку при помощи штурвала. Конечно, об этом ребе знать ничего не мог, но изобретатели штурвала о полёте ребе были осведомлены. И так, слегка напрягшись, он заставил Милку пойти на снижение, потом он потянул её рога на себя и Милка, растопырив ноги, начала плавно замедлять полёт.

Прочитав ещё одно заклинание, ребе вынудил Милку летать по кругу над самыми верхушками деревьев. Убедившись, что теперь управление полётом коровы не представляло для

него большого труда, Шломо решил развернуться и лететь назад. Однако под ним, насколько хватало глаз, простирался дремучий лес, и спросить, где находится Жмеринка, можно было разве что у местных волков, если бы они вдруг появились (Шломе начало казаться, что он видит внизу горящие желтые огоньки волчьих глаз). Ребе подумал немного и отпустил рога Милки, решив, что, возможно, у коровы развился птичий инстинкт, и она знает, где её дом. Милка, почувствовав свободу, свечой взмыла вверх, отчего у ребе заложило уши. Теперь они летели, почти не видя земли. Луна уже начала заходить, но до рассвета было ещё далеко. От такой безумной высоты Шломо опять запаниковал и начал молиться о спасении своей души.

— О Господи, сохрани душу мою, ибо я благоговею пред Тобою; спаси, Боже, раба Твоего, уповающего на тебя... Помилуй, меня, Господи, ибо к Тебе взываю каждый день...

Вскоре ребе потерял счёт времени, тела своего он уже не чувствовал, а душа его парила где-то между природных и Божественных сфер. Вдруг Шломо отчётливо услышал голос Великого Магида – ребе Дов Бера из Межирича:

«Весь мир, Шломо, освещён душой Создателя. Очнись, Шломо, и возликуй! Всевышний выбрал тебя для великой миссии. Мело кол га-арец, кеводо!»

(Вся земля полна славы его)

Где-то далеко впереди ударил разряд молнии, охватившей полнеба. Земля внизу на мгновение съёжилась и осветилась, и ребе с высоты увидел неподвижную гладь разлившегося между холмов озера с островком посредине. Вспышки молний повторялись снова и снова, гром гремел уже почти непрерывно. Милка начала быстро снижаться. Ударил ещё один разряд, и на островке вспыхнул костёр, освещающий кусочек берега и тёмную поверхность озера перед ним. Милка, немного не дотянув до острова, тяжело плюхнулась в воду и поплыла к берегу, на ходу глотая воду. Ребе, не умеющего плавать и за всю жизнь лишь один раз перешедшего вброд местечковую речушку, купание в озере испугало больше, чем полёт над облаками. Он стащил с себя талит и, завязав его вокруг коровьей шеи, вцепился в его концы обеими руками, здраво рассудив, что, если Милка начнёт в воде барахтаться и попытается его скинуть, он может соскочить с неё и, держась за талит, вместе с коровой выбраться на берег. Однако Милка и не собиралась больше показывать свой норов. Она вышла из воды на пологий травянистый берег прямо напротив загоревшегося от удара молнии сухого дерева. Ребе, увидев под собой землю, мигом соскочил с коровьего хребта, забыв про свой талит и разорванный бекише. От радости, что он сумел благополучно завершить свой безумный полёт и опасное плавание, Шломо пустился в пляс вокруг горящего дерева.

— *Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечён славою и величием; Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатёр... Ты простираешь тьму и поднимаешь солнце. Как велики дела твои, Господи! Да будет Тебе слава во веки; да веселится Господь о делах Своих!*

Так, во весь голос распевая псалмы, ребе скакал вокруг горящего дерева, не обращая внимания на вспышки молний и раскаты грома, пока первые капли дождя не охладили его благочестивый пыл. В отблесках пламени он заметил наклонённую над берегом скалу, имевшую у самой земли неглубокую впадину, вполне способную защитить его от дождя. Наспех наломав веток кустарника, Шломо соорудил себе вполне приличную постель и с удовольствием вытянулся на ней, он чувствовал страшную усталость. Завтрашний день несколько его не волновал. «Бог знает, что делает, – думал Шломо, – придёт день, и посыпется манна небесная».

Глава 3

Проснувшись, Шломо увидел над головой лоскутки чистого голубого неба, просвечивающие через кроны деревьев, и долго не мог сообразить, где он находится. Всё тело его болело. Утро было прохладное, а бекише и талита на нём не было. Он хорошо помнил, как отправился искать корову и как побежал с ней к краю оврага, а вот всё остальное ему казалось дурным сном.

— Наверное, я упал в овраг и заблудился, – решил ребе, – и мне пришлось переночевать в лесу. Но, оглядевшись вокруг, он с удивлением и досадой обнаружил почерневшую головешку, в которую превратился ствол дерева, незнакомый берег и свежую коровью лепёшку чуть ли не у самых своих ног. Всё ещё будучи не совсем уверен в реальности происшедшего, ребе умылся холодной озёрной водой и совершил утреннюю молитву.

— Приклони, Господи, ухо Твоё и услышь меня, ибо я духом слаб и потерян в царствии Твоём. Сохрани душу мою, ибо я благоговею пред Тобою; спаси, Боже мой, раба Твоего, уповающего на Тебя. Помилуй, меня, Господи, ибо к тебе взываю каждый день. Верни меня, Господи, к жене моей Лее и малолетним деткам моим. Ты, Господи, благ и милосерден, и многомилостив ко всем, призывающим Тебя. Услышь, Господи, молитву мою и внемли гласу моления моего.

Так помолясь, Шломо, отправился бродить вдоль песчаного берега. Милки нигде не было, и каких-либо следов пребывания человека тоже.

«Ничего себе, – подумал ребе, – ни тебе молока, ни клёцок». Жена ребе Лея умела делать из мацы удивительно вкусные клёцки, которые она бросала в кипящий куриный бульон и подавала на стол, как только они, набухнув и впитав в себя жир, всплывали со дна кастрюли. Шломо побродил вдоль берега ещё немного, теперь уже обращая внимание на прибрежную растительность, но ничего, кроме берёз и ёлок, не обнаружил. Он ещё не успел по-настоящему проголодаться, однако мысль о голодной смерти на необитаемом острове уже начала преследовать его. Вооружившись крепкой сухой палкой, Шломо обошёл весь остров. Результаты обхода были неутешительны: озеро было глубоким; через прозрачную воду прекрасно было видно круто уходящее вниз дно, до ближайшего берега было не менее полверсты, и добраться до него на каком-нибудь упавшем стволе дерева ребе ни за что бы не решился.

Вернувшись к месту своего ночлега, ребе подошёл в спешке к кустам, обломанным им ночью. К его радости, кусты оказались орешником. Ребе наклонил большую ветвь и сорвал несколько крупных гроздьев. Орехи были почти спелыми, в середине они имели крупное, вкусное, сочное ядрышко. Подкрепившись, Шломо повеселел, и, заметив на земле всё ещё дымящийся обломок дерева, решил развести огонь. Он насобирав сухих еловых лапок и, наложив их сверху на тлеющие угли, принялся дуть на них изо всех сил. Через полчаса, изрядно повозившись и перемазавшись еловой смолой, он смог разжечь небольшой костёр. Вот так, сидя у костра на необитаемом острове и не будучи отвлекаем абсолютно ничем, ребе, задумавшись о сущности бытия и превратностях судьбы, обратился к Господу с молитвой.

— Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь; я стал говорить языком моим: Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой. Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою. Подлинно, совершенная суета — всякий человек живущий. Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то. И ныне чего ожидать мне, Господи? надежда моя — на Тебя. Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои.

Ребе прислушался, но ничего в прозрачно ясной голубизне небосвода не говорило ему, что его молитва была услышана.

— Эге-гей! – закричал Шломо. Через несколько секунд ему показалось, что он слышит слабый отклик. Он вскочил и закричал опять: — Эге-гей! Эге-гей! Люди!

— Лю-ди-ди, – отозвалось эхо, отразившись от противоположного берега.

— Эй, кто-нибудь! Милка! Люди! Господи!

Что-то тяжёлое сорвалось с вершин деревьев. Раздался хлопот крыльев, и огромная чёрная птица не спеша совершила полукруг над озером и, плавно снижаясь, направилась прямо в сторону ребе. У самой земли она последний раз тяжело взмахнула крыльями и приземлилась рядом с костром с противоположной стороны от ребе.

Шломо шагнул назад поближе к брошенной на землю палке. Мысли его путались и вращались в основном вокруг одного вопроса: – А кошерная ли птица ворона?

Неизвестно, мучил ли ворону какой-либо вопрос. Одним прыжком она взобралась на небольшой выщербленный камень, очевидно, лежащий на этом месте от сотворения мира, и начала внимательно рассматривать ребе, поворачивая и наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. На ребе это движение произвело какое-то гипнотическое воздействие, и он тоже в такт вороне начал поворачивать и кивать головой. Между ними установился какой-то сдержанный бессловесный контакт. Шломо почувствовал, что ворона понимает речь, но заговорить с ней не решался. И тогда заговорила... ворона.

— Ну чего ты, Шломо, разорался? Это тебе не ярмарка и не синагога, и ты тут не кантор. Молился бы себе потихоньку, а кричать-то зачем?

Ребе так и застыл на месте. Он был не в состоянии определить источник звука. Несомненно, ворона что-то говорила, но на своём птичьем языке. А перевод звучал у него прямо в голове плавно и синхронно, да и голос был ему знаком, так зачастую его выговаривала старая Хана, мать его жены, мир праху её. Хотя ребе покойную тещу недолюбливал, это был тот самый случай, когда будешь рад любому голосу.

Шломо присел на корточки, чтобы лучше видеть и слышать собеседника.

— А позвольте узнать, любезная птица, — ребе не был уверен, ворона ли это или очередное воплощение сатаны, — это вы от себя говорите или это моя теща через вас вещает?

Ворона чуть не каркнула от возмущения, но вовремя поперхнулась.

— Тебе, Шломо, следовало бы знать, что я вовсе не какая-нибудь птица, а ворон вещий Гамаюн. И о тебе, ребе, я давно всё знаю. Я, можно сказать, жду тут тебя уже полсотни лет. Через меня, Шломо, Господь вещает. Что же до твоей тещи, то хоть она была и бойка на язык, и умела вставить словечко где надо и где не надо, так ведь ума в ней большого не было. Всё, что она знала, так это дорогу от дома до базара вместе со всеми базарными сплетнями, да и дочка недалеко от неё ушла.

— А об этом не тебе судить, – ребе обиделся и вступился за жену, – вы, вороны, одиночки и самолюбцы, а людям положено жить парами и заботиться друг о друге. Ибо Господь повелел, чтобы оставил человек отца своего и мать свою и прикрепился к жене своей, и будут они одна плоть, а рабби Акива пояснил, что, когда Господь создавал женщину из состава ребра Адама, его больше заботила форма, а не содержание. А рабби Иосиф Каро добавил, что когда мужчина смотрит на женщину, то должен понимать, что Бог ему дал не то, что он бы хотел, а то, что он может взять, не ущемляя себя. А великий Баал-Шем-Тов пояснил, что, если жена твоя не царица Савская, так и ты ведь не Соломон, умей жить с тем, что есть и не распаляй себя напрасными мечтаниями.

Ворон внимательно выслушал ребе и с расстановкой произнёс:

— Да, я вижу, ребе, что ты человек умный и образованный, и мне будет приятно с тобой беседовать, а что до жены своей, то вряд ли ты её когда-нибудь увидишь.

— Это почему же?! – всерьез обеспокоился Шломо, который, несмотря на всё происходящее, в глубине души был совершенно уверен, что вскоре вернётся домой.

— А тебя, Шломо, Всевышний выбрал для великой миссии.

— А почему меня?!— Шломо вспомнил слова Великого Магида, услышанные им под небесами, и содрогнулся.

— Когда Богу что-нибудь надо, он выбирает не тех, кто хочет, а тех, кто может. Ты думаешь, я всегда был вещим Гамаюном?

Всё ещё не пришедший в себя ребе был не в состоянии произнести ни слова. Ворон посмотрел на него и продолжил:

— Я был просто вороном, вожаком стаи. Однажды почувствовал в себе силы необыкновенные, поднялся высоко, туда, где воронам летать не положено, вот меня и приметили.

— *Господи, не смею я и в мыслях приподняться к тебе – взмолился Шломо, став на колени – не подхожу я для такого служения, ибо беден я духом и ничтожен, и вера во мне слаба. Но Ты, Господи, Боже щедрый и благосердный, долготерпеливый и многомилостивый, и истинный, призри на меня и помилуй меня; даруй крепость Твою рабу Твоему, и спаси сына рабы Твоей. Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей; утверди сердце моё в страхе имени Твоего. Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой, всем сердцем моим и славить имя Твоё вечно.*

— Хорошо молишься, Шломо, с душой, – заметил Гамаюн.

Шломо, не обращая внимания на реплику ворона, продолжал, стоя на коленях, теперь уже беззвучно молиться. Тело его слегка раскачивалось, губы чуть-чуть шевелились, глаза были неподвижны, и, казалось, ничего не видели. Гамаюн подождал немного, и, решив, что ребе впал в транс, спрыгнул с камня и клюнул ребе в плечо.

— Очнись, Шломо, достаточно. Бог тебя уже услышал.

Ребе понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и повернуться в сторону Гамаюна.

— А откуда ты знаешь, что Господь меня услышал?

— Он давно уже тебя услышал, но твои восхваления и прославления Ему не нужны. Тебя, Шломо, сюда перенесли, чтобы ты помог не словом, а делом. Все знают, что ты на память знаешь Танах и в других писаниях прекрасно разбираешься. Увидел тебя Господь и хочет, чтобы ты Ему сослужил. Я же послан к тебе, чтобы через меня ты мог услышать слово Его. Ибо записано в книгах твоих, что человек по рождению своему глух к произнесению Господа.

— А как же тогда Моше говорил с Богом, и пророки тоже ведь глас Божий слышали?

— Не повезло тебе, Ребе, поздно ты родился. Нет таких людей более на земле и, наверное, уже не будет. Мы, птицы, дело другое, мы созданы в четвёртый день творения из воды, которая под небом была, мы Бога не видим, но слышим ухом небесным, а вы, люди, вышли на день пятый из праха земного, потому вы и глухи к произнесению Господа.

Ребе задумался:

— Нет, ворон, неверно это. Мы, люди, созданы по образу и подобию Божьему, а о вас, птицах, ничего такого не сказано.

— Это вначале Бог создал человека по образу и подобию Своему, а потом Он сотворил человека ещё раз из праха земного. И когда Господь изгнал людей из рая, они смешались на земле и стали смертными. Первые люди жили дольше, потому как в них образа Божьего было больше. Но тварные людишки множились быстрее, хотя и жили меньше. И потому сейчас в человеке почти не осталось образа Божьего. Зачем так Бог поступил – мудрость непостижимая и тайна великая. И только в свой смертный час человек может её постигнуть. Я слышал это древнее предание от своего прадеда, а ему его прадед рассказывал.

Ребе знал об этих преданиях, не вошедших в священные книги. Но объяснять ворону, что означает знание добра и зла и за что роду человеческому предназначено страдать, не стал. Тайна присутствующей в творении скрытой противоположности не раз мучила его самого. Но, как учил Великого Магид, тайна есть предпосылка веры, и она же лежит в основании пути к истине. Не будь тайны, не было бы истины, не было бы любви и надежды, не было бы пути и призвания рода человеческого. Был бы грех, и не было бы спасения.

— Так как же я могу сослужить Господу? — спросил Шломо, вспомнивший о своих собственных прегрешениях.

— Тебе, Шломо, Господь повелевает отправиться за пять морей и тридевять земель к племенам диким, но благородным, и поведать им слово Господне.

— И как же я туда доберусь? — забеспокоился ребе, беспомощно оглядываясь. Ему так захотелось выбраться отсюда поскорее, что мысли о предстоящих испытаниях его почти не волновали.

Гамаюн широко раскрыл клюв и начал хохотать по-вороньи: — Ка, ка, ка, ка, кар! Ка ка, ка, ка, кар! К вечеру сюда прилетит Милка, и мы втроём полетим на восток. Путь у нас не близкий, ей отдохнуть надо. Ты, ребе, хоть и не вышел ростом, но ноша для Милки тяжёлая. К тому же пока лучше летать по ночам и не пугать народ, потом пойдут места совсем дикие, можно будет и днём продолжить путь.

Шломо грешным делом подумал, что Господь мог бы устроить ему путешествие и комфортнее, но высказаться не решился.

— А кормить меня вы чем будете, орешками? — спросил он, решив, что в силу важности миссии о нём всё же должны заботиться.

— Ну, дорогой ребе, — Гамаюн хмыкнул, — придётся попоститься немного, но сильно отощать мы тебе не дадим. Тут за озером знакомые мужики рыбу вялят. Для тебя, Шломо, я, пожалуй, туда слетаю.

Гамаюн вскочил на камень и взлетел в сторону солнца, уже начавшего крениться к закату. Шломо проводил взглядом исчезающую чёрную точку и пригорюнился. Никакого призвания к великому служению он в себе не ощущал.

Глава 4

Примерно через полчаса Гамаюн принёс в когтях огромный кусок свежего балыка. Шломо разломал его вдоль и вместе с вороном приступил к трапезе. До этого ребе ни разу не приходилось есть красной рыбы и, насытившись, он спросил ворона:

— И где ж такая рыба водится?

— Известно где, в реках.

— А я думал, в море, – заявил Шломо, – в нашей Жмеринке тоже речка была, а такой рыбы я сроду не видал.

— Ещё увидишь. Там, куда мы летим, её навалом. Хоть за хвост из воды выхватывай.

— А ты там бывал?

— Я нет. Я вообще-то домосед, мне и здесь хорошо жилось. Я тут и знахарь, и прорицатель, и за советом люди любят ко мне обращаться. Я даже руды разведывать научился, за сотню лет чему не научишься. Но один ворон из нашей стаи как-то туда залетел и прожил там сорок лет. Край там богатый, и зимы вовсе нет. Снег только на горах бывает. И люди там хорошие, очень зверей и птиц уважают. Ты, ребе, не бойся, со мной не пропадёшь. Твоё дело проповедовать, а о подношениях я позабочусь, заживём припеваючи.

— Ну, тебе-то легче, там небось вашего брата хватает, и понимаете вы друг друга без слов, а мне-то как среди дикарей жить, ни языка я их не знаю, ни обычаев. Как же я проповедовать смогу?

— Сможешь, Шломо, сможешь, Господь об этом позаботится.

Ребе опять затосковал: – Так неужели я больше своего дома не увижу?

— Так, Шломо, Бог повелел. Мне тоже жаль с родными местами расставаться. Но я Господу служу с охотой и радостью. Иди, Шломо, помолись, скоро в дорогу, вон уже и Милка летит.

Шломо с трудом разглядел против заходящего солнца едва заметное пятнышко в небе. Он подошёл к берегу и совершил омовение в неподвижно стоящей, насквозь прозрачной воде озера, в которой отразилось его осунувшееся лицо с черной, почти не тронутой сединами бородой, и, взобравшись на лежащий у самой воды покатым валун, повернулся лицом к востоку. Было безветренно. На зеркальной глади озера не проступало ни малейшей ряби. Шломо окинул взглядом поверхность озера и случайно заметил какое-то белёсое, явно неземное отражение. Ребе поднял глаза к небу и застыл. На холодном серовато-голубом куполе небосвода, словно нарисованный на небесном холсте воздушными красками перистых облаков, выступал небесный Иерусалим. Он медленно поворачивался в воздухе, показывая Шломе все свои купола, башни, арки, висячие сады и подвесные мосты. Было ли это отражением духовной структуры высшего мира, или он сам открылся взгляду, откинув, как занавес, сумеречную оболочку, отделяющую миры, ребе сказать не мог. Сияние, исходившее от него, затягивало взор внутрь, как бы удлиняя пространство и позволяя увидеть ещё более отдалённые миры, угадывавшиеся за горизонтом этого. Шломо виделось, что где-то там есть новое небо с блестящими изумрудными звёздами и новая, свежая, только что рождённая земля. Его душа, притянутая небесным видением, затрепетала в нём, как бы требуя немедленного полёта, к которому она была уже полностью готова. Она вышла и развернулась из неимоверной глубины бытия во всей своей необъятной мощи и шири. Шломо с удивлением первый раз в жизни познал, что есть в нём нечто более его самого, превосходящее его во всём и не подвластное его желанию. Видение начало переливаться всеми цветами радуги, задрожало и исчезло. Над ребе был всё тот же серовато-голубой небосвод, на котором уже появлялись отблески заката, у ног его лежала всё та же неподвижная озёрная гладь, мир был всё тем же; и в то же время это был уже совсем другой мир. Какие-то неуловимые изменения полностью преобразили его, как будто неслышная

музыка зазвучала во всём мироздании, наполнив его гармонией и смыслом. Ребе уже знал заранее всё, что ему предстоит, и нисколько не боялся этого. Он боялся только одного: что эта связь миров, открывшаяся ему в одном неземном порыве души и сохранённая в ней как вдруг узнанное духовное родство, вдруг может оборваться. Шломо некоторое время продолжал смотреть в ту часть неба, откуда ему явилось видение, пытаясь мысленно воспроизвести и запомнить его во всех деталях. Ребе знал, что, когда Великий Магид в толпе учеников узрел небесный Иерусалим, никто из учеников ничего не увидел, и на призыв Магида открыться и смотреть лишь один из них из уважения к учителю заявил, что видит в небе над собой отражение высшего мира. Магид никогда больше никому не говорил об этом и лишь в конце жизни позвал к себе того самого ученика, и он со слов Великого Магида записал увиденное им. Шломо решил никому не рассказывать о своём видении, он повернулся и пошёл к уже догорающему костру. Возле него, поджав под себя передние ноги, лежала Милка и чинно беседовала с Гамаюном. Бекише она где-то потеряла, а талит так и остался подвязанным на её шее. При виде ребе она приподнялась с земли, выпрямив передние ноги и оставшись наподобие собаки сидеть на задних, отчего её рога оказались почти на одном уровне с лицом низкорослого ребе.

— Ну, как себя чувствуешь, хозяин? – не без ехидства спросила Милка.

Шломо подошёл к ней и молча снял с неё свой талит, отряхнул и надел на себя.

— А как же я? – обиделась Милка. – Мне он очень даже к лицу, белый - это мой цвет.

— Ну, вот и жуй себе ромашки, – ответил Шломо, – а талит - это не коровий наряд.

Милка обиделась. Гамаюн решил её успокоить.

— Когда мы прилетим, туземцы сделают для тебя столько белых шарфиков, сколько пожелаешь. И будут дарить тебе их на дни рождения.

— Да, и когда у меня день рождения?

— А когда пожелаешь, тогда и будет, – нашёлся Гамаюн, – а пока у меня для тебя есть другая обнова.

Ворон подлетел к трём берёзкам, растущим у края поляны, окружающей сгоревшее дерево, на мгновение исчез в высокой траве и вытянул из неё изящный кожаный ремешок, отделанный медными бляшками.

— Идите сюда, – позвал он Шломо и Милку.

Шломо подошёл поближе и обнаружил в траве высокое кожаное седло с подпругами и уздечку необычной формы. Он взял её на руки и подошёл к сидящей на прежнем месте Милке.

— Вы что, хотите, чтобы я примерила на себя это конское барахло?! – возмутилась Милка.

— Оно вовсе не конское, – ответил Гамаюн, – оно сшито на заказ королевским шорником и прислано из Варшавы. Примерялось, правда, на коровах польской породы, но тебе, Милка, должно быть впору.

— Неужели из Варшавы? – заинтересовалась Милка, наслышанная о варшавских коровах и бычках.

— Здесь, в округе, таких мастеров нет, – Гамаюн критически осмотрел уздечку, – знатная работа.

Шломо, помогавший в детстве из любознательности своему дяде Меиру Залману запрягать лошадь, повозившись немного, надел на Милку седло и уздечку. Закончив, он отошёл на два шага проверить свою работу.

— Ну и как я выгляжу? – полюбопытствовала Милка.

Новенькая упряжь блестела начищенными медными застёжками и коваными стременами. Уздечка из дорогой, хорошо выделанной кожи изящно оплетала широкий Милкин лоб. Посредине его красовалась чеканная медная бляшка. Шломо взял её в руки, перевернул и прочёл: «Шимон Пинхас, Варшава, 5540».

— Да, Милка, это работа мастера, – сказал ребе.

Гамаюн коротко каркнул в знак одобрения. Милка сбегала посмотреться в воде и вернулась очень довольная собой.

— Пора, — сказал Гамаюн, посмотрев на солнечный диск, уже коснувшийся верхушек деревьев на противоположной стороне озера, — летите за мной и не отставайте.

Шломо оседлал Милку. Ворон взлетел, оттолкнувшись от стоящего у воды камня. Милка разогналась и легко взмыла вверх вслед за Гамаюном. Земля начала быстро удаляться. Шломо оглянулся вслед оставшемуся за спиной солнцу и подсвеченным багровым сиянием облакам. Небо впереди уже потемнело, когда сорвавшаяся с небосвода звезда прочертила им путь.

Глава 5

Под утро они подустали и начали искать место для отдыха. Внизу, насколько хватало глаз, протиралась бесконечная степь. Увидев полоску реки и протянувшиеся вдоль неё леса, Гамаюн начал снижаться. Милка последовала за ним. Было уже совсем светло. Они пролетели над деревушкой, расположенной над пологим берегом реки, потом показалась окружённая садами помещичья усадьба. От неё отделилась повозка, запряжённая парой гнедых лошадей, и поехала им навстречу. Повозка внезапно остановилась, из неё выскочили двое, начавшие ошалело кричать и показывать друг другу руками на небо, людей.

— Что они кричат? – спросил Шломо.

Вместо ответа Милка резко накренилась вперёд и начала пикировать на карету. Всё ещё будучи на вполне безопасной высоте, она выровнялась и, задрав хвост, со звуком выбросила из себя лишний балласт, после чего облегчённо вздохнув, взмыла вверх догонять ворона.

— Извините, ребе, недотерпела, — нагло заявила Милка.

— И не стыдно тебе? Что о нас подумают люди? — возмутился Шломо.

— О вас, ребе, они ничего не подумают, они вас даже и не заметили.

Ребе оглянулся, повозка, покинув дорогу, повернула к реке.

Милка тем временем поравнялась с Гамаюном и спросила:

— Гамаюнчик, далеко ли нам ещё?

— Чуть-чуть осталось. Ты, Милка, больше так не безобразничай. Эти двое ехали охотиться на уток. У них в повозке ружья, сдуру могли бы и пальнуть.

— Врёшь ты небось. Как можно с высоты разглядеть, что у них в повозке.

— А у меня глаза вороны, а у тебя коровы. Я с высоты всё вижу, у меня дальность, а у тебя, Милка, близорукость, или слепота куриная. Ты мельницу видишь?

— Где?

— Вон, возле запруды, у ручья, впадающего в реку.

Милка ничего не увидела. Шломо, приложив руку к переносице, с трудом различил вдалеке небольшой пруд и одиноко стоявшую водяную мельницу, к которой вела заброшенная просёлочная дорога.

— Вот здесь мы и остановимся, — сказал Гамаюн, — на этой мельнице давно уже никто ничего не мелет. Лет десять назад здесь поселился старец отшельник. Мы с ним большие друзья, так что, ребе, тебя здесь и покормят, и спать уложат.

— А как же я? – спросила Милка. — Шломе застолье, а мне что, подножным кормом перебиваться?

— Найдётся и тебе что-нибудь, старец хоть и отшельник, но от удовольствий мирских не отказывается и поститься не любит. Вы приземлитесь гденибудь неподалёку, а упряжь спрячьте в кустах. А я слетаю, разведая как он там, и к вам вернусь. Тут народ всякий бывает, но говорящие коровы с сёдлами не каждый день прилетают. Испугаем старика до смерти, чего доброго в лес удерёт, и ищи его там потом.

Милка аккуратно приземлилась на дальней от мельницы стороне пруда. Шломо снял с Милки сбрую и начал прохаживаться вдоль воды, чтобы размять отёкшие ноги. Гамаюн появился минут через десять.

— Ну что, можно идти? – спросил Шломо.

— Да, можно. Старик немного перебрал с вечера, но в остальном в порядке.

Шломо и Милка направились пешком вдоль пруда в сторону мельницы. Гамаюн взмахнул крыльями и полетел напрямик над водой.

Хозяин босиком, в портках и длинной белой рубахе навывпуск, стоял у входа в мельницу, прикрывая собой покосившуюся дверь. Перед ним стоял огненно-рыжий красавец петух и охранял хозяина, стараясь не подпустить к нему ворона. Гамаюн сидел неподалёку на треснувшем камне, бывшем когда-то жерновом.

— Да, давненько в краях наших рабби не видывали, – промолвил старец, увидев приближающегося Шломо, – наверное, после хазарских евреев ты первый будешь. Ты как сюда попал?

— Я же говорил тебе, он паломник. Ему Бог велел совершить паломничество в Америку, – вставил Гамаюн.

Ребе впервые услышал о месте своего назначения. Название это не говорило ему ровным счётом ничего, в Танахе об Америке не упоминалось, а географию Шломо не изучал.

— Пехом идёшь? – спросил старец, пристально посмотрев на ребе.

— Нет, я на корове лечу, – ответил Шломо.

— Как так на корове, шутишь, что ли?

— Нет, не шутит, – заявила подоспевшая Милка, – мы вместе летим, а Гамаюнчик нас сопровождает.

Старец во все глаза уставился на Милку.

— Ишь, ты, какая бойкая, ну-ка покажи, как ты летаешь.

Милка одним махом перелетела через старый жернов и села рядом с Гамаюном.

— Ну, через жернов и я перепрыгнуть смогу, – заявил старец. По всему было видно, что, несмотря на преклонные годы и седую бороду, в нём сохранилось достаточно прыткости и упрямства и, если он захочет, то и взаправду сможет.

Милка подпрыгнула и сделала в воздухе сальто-мортале: – А так ты можешь?

Старец почесал бороду: – Нет, так не могу, годы уже не те. Так как тебя зовут, красавица? Польшённая Милка заулыбалась.

— Милка, меня так люди назвали. А тебя, старче, как звать?

— Никоном меня величать, – с расстановкой произнёс старец.

— Ну, вот вы и познакомились, – Гамаюн подлетел к ребе, – а это Шломо. Давай, Никон, принимай гостей. Они с дороги устали, а ты их заставляешь с утра пораньше фокусы тебе показывать. Накорми гостей сначала, а потом и расспрашивай.

— Ну, заходите, – старец показал Шломо и Гамаюну на дверь, – там на столе с вечера закуска осталась, я сейчас о Милке позабочусь и к вам подойду.

Шломо подобрал с земли обломанную метлу и, отогнав драчливого петуха, зашёл в мельницу. Гамаюн залетел вслед за ним и уселся на крепком дубовом столе, стоявшем посредине земляного пола.

— Садись, Шломо, перекуси, – ворон клювом показал ребе на тяжёлый, грубо сколоченный деревянный стул и, вытащив со стоящей на столе глиняной миски тяжёлую мясистую косточку, принялся деловито её обклевывать. Шломо из вежливости решил дожидаться хозяина. Со двора доносились обрывки разговора Никона с Милкой.

— Давай сюда, Милка, я тебе ячменя подсыплю, и клеверок у меня есть свежескошенный. Вот здесь ты отдохнёшь, я соломки тебе постелил. А водичка у меня знатная, из моего колодца. Люди за ней издалека приезжают, она как заговоренная, от всего помогает.

Через некоторое время в дверях появился Никон с кувшином в руках. Поставив кувшин на стол, Никон придвинул к Шломо тарелку с жареными карпами и миску с квашеной капустой, нарезанный ломтями хлеб лежал на столе.

— Знаю я, Шломо, что тебе не всякая пища позволена, но ты не гнушайся, я человек простой, отведай, что бог послал.

— Я с удовольствием, – Шломо застеснялся и, не помолясь, приступил к еде.

Никон, понаблюдав за ребе, налил из стоящей на столе бутылки водку в две глиняных чашки.

— Говорил мне Гамаюн, что ты, Шломо, человек знающий, Богом отмеченный и готовишься к великому служению. Я, Шломо, тоже, было дело, смолоду к Богу подался, святость в душе берёг. Но вот проснулся я как-то и понял, что людей я не люблю, да и Бога тоже не очень жалую, а вся эта блажь во мне из-за того, что я сам себя боюсь, грех свой побороть хочу. Встал я и ушёл из монастыря. Грешил я, много и славно, но вот лет так десять назад чувствую: совсем я себя потерял. И так мне горько стало, что живу я без смысла и цели, как тварь животная, только для утробы своей, что решил я уйти от людей. Думал, чем дальше от людей, тем ближе к Богу. Но к Богу я не приблизился, и если б не Гамаюн, то совсем бы одичал. Я давеча обет на себя взял не пить более, но на прошлой неделе не сдержался запил. И вот что я тебе скажу, Шломо: я в этом греха большого не вижу. Человек пьёт — для покаяния. Водка - она ведь душу смягчает и совести позволяет выговориться, а если б человек не пил, то совесть его молчала бы. Давай, Шломо, выпьем за знакомство по закону вашему, это вроде как и не запрещено.

Шломо водку принимал пару раз в жизни и то, как лекарство от простуды, но обижать хозяина было неудобно. Он поднял чашку, сделал большой глоток и поперхнулся, водка была страшной крепости и к тому же настояна на горьких травах. Никон плеснул ему кваса из кувшина. Шломо запил, стало легче.

Никон налил себе ещё и выпил, ребе поддержал его квасом.

— Я тебе правду скажу, Шломо, народ ваш я не очень уважаю. Станный он и непонятный очень, да и вера ваша мне не по нраву. Но ты, Шломо, святому делу служить собрался, это я понимаю и принимаю. Я и сам готов служить Господу, вот только не знаю как. То ли не нужен я Ему, то ли сам я с духом собраться не могу. А вот если б кто-нибудь подсказал или показал мне, как воистину служить, да так, чтобы душа верой наполнялась и чтобы жизнь была как одна большая дорога, я бы всё бросил и пошёл за ним. Вот ты, Шломо, можешь ли ты мне сказать, как ты своё служение принимаешь, и что в человеке от Бога, да и вообще, что есть человек?

— Ну, силён ты, Никон, загадки загадывать, – вставил Гамаюн, – над этими вопросами много старых мудрецов ломали голову и много новых ещё ломать будут.

— Да не нужны мне мудрецы с их книжками, я хоть и грамотен, но в книгах этих ничего не понимаю. Ты, Шломо, по-простому мне скажи, так, чтоб до меня дошло. Я в монастыре пять лет провёл и служил, и исполнял то, что требовали, и книжников всяких слушал, но так ничего и не понял. Если всемогущий Бог дал людям закон, то почему он не сделал так, чтоб они его исполняли? Почему человек живёт в грехе, а умирает в страхе и страданиях? За что нам судьба такая дана, за что мы так наказаны, чем род людской провинился перед Господом?

— А ничем он не провинился, — Шломо нашёл на столе рушник и отёр губы, – человек живёт в мире, куда божественный свет хоть и проникает, но совсем чуть-чуть, и не свободно, а связано, скрытно, через суть вещей, а потому и раскрывается в нём не в полной мере.

— А откуда ты это знаешь?

— От учителей своих.

— А они как могут это знать?

— Они Свет Небесный видели.

— Как же может человек Небесный Свет узреть, он же ослепнет или с ума сойдёт?

— Нет, Никон, это не так, когда луч Небесного Света достигает земли, то он сам становится невидимым, но через него открываются другие миры. Может ли человек сойти с ума или ослепнуть, увидев такое? Не думаю, по-моему, это только легенды.

— Ты, Шломо, хорошо говоришь, красиво и на правду похоже, но как тебе верить, ведь ни в каких книгах это не записано. Не может человек такое в себе хранить и никому не поведать.

— Да, это так, только знания эти тайные, только для ясновидцев и истинно верующих, мудрых и посвящённых.

— А ты сам кем себя считаешь?

Шломо задумался: – Я думаю, что я посвящённый, но мудрым стать никогда не поздно.

Никон налил себе ещё из бутылки и залпом выпил, не закусывая.

— А ты сам Небесный Свет видел?

Шломо с подозрением посмотрел на Никона.

— Я третьего дня сон видел, очень непонятным он мне показался. Будто прилетает ко мне человек в черном, как он прилетел, я во сне так и не понял, и спрашивает меня: "Хочешь, Никон, Небесный Свет увидеть?" И, пока я раздумывал, он взял и улетел. Ни я ему ничего толком сказать не успел, ни он мне ответить.

Никон замолчал и вопрошающе уставился на ребе. Гамаюн прекратил заниматься косточкой и повернулся в сторону Шломо. Установилась напряжённая пауза.

Шломо посмотрел вверх под крышу мельницы, потом медленно и неохотно перевёл взгляд на Никона и сидящего на столе Гамаюна и тихо произнёс:

— Видел, но не спрашивайте меня об этом. Нельзя о таком рассказать, нет у меня таких слов, да и не в словах дело. Это другое, совсем другое.

Гамаюн подошёл по столу к Никону.

— Ну, ладно тебе, Никон, человек с дороги, хватит его расспросами мучить, дай ему отоспаться. Ещё будет время, перед отлётом поговорите.

Никон провёл ребе за перегородку. В углу у окна стояло грубо сколоченное ложе с одеялами и накидками, подушек на нём не было. Никон посуетился немного и вытащил откуда-то овечий тулуп.

— На, возьми, подложишь под голову.

Уходя, Никон задержался, как бы собираясь задать ещё один вопрос, но увидев, что уставший Шломо почти мгновенно погрузился в сон, тихо удалился.

Глава 6

Шломо проснулся уже под вечер. То ли настоящая на травах водка дала себя знать, то ли чистый освежающий воздух непаханой степи вдохнул в него силы, только чувствовал он себя крепким и поздоровевшим. Шломо вышел из мельницы во двор, никого вокруг не было. Он умылся водой из пруда и, повернувшись на восток, начал молиться.

— Господи! Ты разумеешь помышления мои издали. Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе. Еще нет слова на языке моем, — Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на мне руку Твою. Дивно для меня ведение Твое, — высоко, не могу постигнуть его! Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

Скажу ли: «может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня делается ночью,,; но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. В Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было.

Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их! Стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка; когда я пробуждаюсь, я все еще с Тобою. Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный.

Обычно, когда Шломо совершал молитву, душа его освобождалась от земной суеты и наполнялась непринуждённой зависимостью. Шломо знал, что слова молитвы прямиком вознесутся на небеса. Будут ли они услышана или нет, но его душа обретёт солидарную связь с творением Господа. Шломо ощущал эту вселенскую связь с раннего детства, с тех самых пор, когда первый раз вслед за отцом повторил: «Барух Ата Адонай», она взывала к нему, как голос крови, пульсирующей в его сосудах, как скрытый незримый поток, наполняющий его жизнью. Но сейчас, после того как небесный Иерусалим явился ему, он почувствовал, что какая-то часть его души откликается ему в одном из высших миров. Была ли она пленена там, как пленена она здесь, Шломо не знал. Успокоение и вера, благостность и благодарность, тайное знание и блаженная уверенность в выбранном для него пути соединились в его воссозданной душе. Появилось ли это в нём как внезапное преображение или было лишь открытием того, что было в нём изначально, Шломо сказать не мог. Молча и неподвижно он стоял, погружившись в себя, пока не заметил подошедшего к нему Никона.

Никон, увидев, что Шломо молится, остановился в нескольких шагах от ребе, внимательно слушая слова незнакомого языка. На нём была чистая рубаха, седая длинная борода была расчёсана, новые лапти и онучи были аккуратно подвязаны. Видимо, боговдохновенное состояние Шломы передалось и ему, и, когда ребе закончил молитву, Никон не решился прервать молчание. Некоторое время они стояли молча. Осеннее солнце начало быстро клониться к горизонту, подсвечивая багрянцем уже начавшую желтеть листву клёнов и берёз, стоящих вокруг пруда. Наконец Шломо повернулся к Никону и спросил:

— Наверное, уже пора собираться. А где Гамаюн и Милка?

— Сейчас прилетят, отправились за припасами в дорогу. Есть тут за рекой кузнец из беглых, мужик надёжный, Гамаюн его знает. Мне туда полдня добираться, а они мигом слетают. Пойдём, Шломо, ужин на столе.

Они сели ужинать.

Никон не пил и был серьёзен и задумчив.

— А скажи, Шломо, не страшно ли тебе летать?

Шломо не стал рассказывать Никону, как он оседлал Милку.

— Поначалу было очень страшно, а потом привык.

— А наверно, любо смотреть на землю с высоты. Всё вокруг видать: поля, леса, дороги, — Никон восхищённо вздохнул. — А ты озёра сверху видел? Они у нас красоты необыкновенной.

— Видел, — ответил Шломо. Небесный Иерусалим над водами лесного озера всё ещё стоял у него перед глазами.

— А я вот что решил, — Никон отодвинул стоящее перед ним миску, ему явно было не до еды, — я вслед за вами пойду. Гамаюн мне сказал, где вас найти, я слышал, в эти места наши поморы плавают. Вот соберу узелок и пойду вслед за вами.

— Долго туда добираться? — спросил Шломо.

— Я так думаю, пехом до моря-океана за год дойти можно, а потом ещё месяца два плыть надо.

— А лететь нам сколько, как ты думаешь?

— Точно не знаю. Но думаю, недели за три долетите.

— *Дивны дела Твои, Господи!* — вслух повторил слова молитвы Шломо. Его сердце начало наполняться верой в чудеса и отвагой. Предстоящий путь уже почти не страшил его.

Над мельницей с шумом пронеслась огромная тень, на мгновение накрывшая расположенное под самой крышей единственное окно, и тяжело дышащая Милка, распугав кур, приземлилась во дворе у полуразвалившейся коновязи. Никон и Шломо поднялись из-за стола и вышли посмотреть, что она привезла. К бокам Милки были подвязаны два кожаных мешка с провиантом. Никон развязал один мешок и, вытащив краюху хлеба, отломал ломоть и принялся угощать Милку.

— Молодец, Милка, кушай, ты заслужила, — Милка, очень довольная собой, зажевала ломоть и, увидев подлетевшего Гамаюна, не прекращая жевания, скороговоркой произнесла:

— Я же тебе говорила, что коровы быстрее ворон летают.

— Я, Милка, летаю уже сто лет, и наперегонки с коровами не летал и летать не собираюсь, — чинно возразил Гамаюн и, повернувшись к Никону, произнёс: — Тебе, Никон, кузнец привет передаёт, говорит, что соскучился по тебе и вскоре собирается прийти проведать.

— Да, пожалуй, я и сам к нему загляну, — ответил Никон. — А потом, Гамаюн, я за вами вслед пойду. Так что прощаться не будем, ещё свидимся.

Никон подошёл к Милке, подправил ей упряжь и потрепал шею.

— Ну что, Милка, будешь меня ждать?

— Конечно, буду. Шломо - он ведь так, попутчик, когда мы прилетим, я ему не нужна буду. А ты человек ласковый и хозяин надёжный. Приходи, я тебя над горами и долинами покаю.

— Я тебе, Милка, не попутчик и не хозяин, — возмутился Шломо, — я слуга Божий, посланный Им для выполнения великой миссии, а значит, я тебе господин, и ты обязана мне служить. А иначе ты опять станешь бессловесной и летать не сможешь.

— Гамаюнчик, это правда? — испугалась Милка.

— Бог что дал, то и забрать может, — ответил за Гамаюна Никон.

Милка задумалась: — А если у меня телёнок появится, он за мной летать сможет?

— Сможет, но не сразу, — сказал Гамаюн, — тебе придётся сделать на дереве гнездо, поить его там молоком, а потом учить его летать.

— Это как же я гнездо делать буду? — растерялась Милка.

Гамаюн задумался: он не имел понятия, каким образом коровы строят гнёзда.

— Ты, Милка, пытаешься думать за Бога и всё усложняешь, — разрешил проблему Шломо. Никон согласно кивнул. Они подошли друг к другу и обнялись.

— Как думаешь, Шломо, суждено ли мне Небесный Свет узреть?

— Нам всем суждено узреть, - тихо сказал Шломо, - но сначала мы должны послужить.

Глава 7

Тьма, спустившаяся из сумеречных оболочек, отделяющих миры, накрыла оставшуюся далеко внизу Землю. Звёзд не было видно, и Шломо начал уже беспокоиться, не сбились ли они с пути. Гамаюн летел впереди подобно черной огненной стреле, контуры которой скорее угадывались, чем различались между взмахами могучих крыльев. Милка летела вслед за ним, легко раздвигая встречные потоки воздуха. Шломо сидел в седле прямо, подставив ветру лицо, талит развевался на его плечах наподобие плаща. Он думал о Моисее.

В те давние времена, когда Бог говорил с людьми, время текло неторопливо. Моисей провёл долгие годы в пустыне, пася овец, очищая душу и собирая силы для великого служения. Его воля закалилась ветрами пустыни и песчаными бурями, горящее на небе солнце и мерцающий звёздный купол возвысили его сердце, наполнив его мечтами. И, когда Иегова заговорил с Моисеем, его душа уже была готова. Решение было принято сразу и навсегда, он возвращался к своему народу, чтобы служить ему, цель была ясна и вера непоколебима. Шломо догадывался, что и его миссия должна начаться с удаления и уединения, что ему предназначен долгий и трудный путь, и, быть может, ему и не суждено пройти его до конца. И, хотя цель ему виделась смутно, он полностью принимал её как наконец-то найденное оправдание своего существования, как сокровенное ощущение смысла жизни, бывшее в нём всегда, которое не может и не желает быть объяснённым, оно может быть только исполненным.

Они летели на восток, и, когда мгла впереди начала рассеиваться, Шломо увидел, что летят они над облаками и что над ними распростёрлась туманная сумеречная пелена, закрывавшая небо. Он не решился спросить Гамаюна, вылетели ли они за пределы их мира или только странствуют по его окраинам, на самых границах бытия, доступных живущим на Земле.

Облака внизу заметно поредели. Гамаюн распростёр крылья и начал плавно спускаться. Приглядевшись, Шломо увидел контуры Земли, распростёршейся внизу. Теперь они летели вдоль какой-то могучей реки, берега которой были покрыты туманом и только временами ясно обозначали себя. В разрывах тумана выступило убогое селение, посреди которого возвышался купол церкви с православным крестом. Под ними была великая русская земля, охваченная вековым сном и вселенским унынием. Река исчезла, повсюду, сколько хватало глаз, простиралась однообразная заболоченная равнина, заросшая мелким подлеском. Одичавший, запущенный вид этих Богом забытых мест внушал Шломе страх, и он начал читать про себя молитву:

— Твёрдо уповал я на Господа, и он приклонился ко мне и услышал вопль мой;

Извлёк меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои;

И вложил в уста мои новую песнь – хвалу Богу нашему. Увидят многие, и убоятся, и будут уповать на Господа.

Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою, и не обращается к гордым и к уклоняющимся ко лжи.

Я желаю исполнить волю Твою, Господи, и закон Твой у меня в сердце.

Прочитав молитву, Шломо окреп духом. Солнце приподнялось над Землёй, и заболоченная равнина уже не казалась такой унылой. Постепенно она начала переходить в холмистую возвышенность. Присмотревшись, Шломо заметил на горизонте отроги невысоких гор и решил поговорить с Гамаюном. Он чуть-чуть прищипорил полусонную Милку и поравнялся с вороном.

— Гамаюн, где мы?

Гамаюн, казалось, не расслышал вопроса и, поймав восходящий поток воздуха, повернулся на крыло и взмыл вверх. Милка последовала за ним, но не рассчитала и начала терять высоту. Шломо с удивлением следил, как Гамаюн постепенно удалялся. Милка полностью проснулась и изо всех сил пыталась подняться вверх, но какая-то неведомая сила упорно при-

тягивала её к Земле. Шломо в ужасе замер, будучи не в силах даже произнести молитву. Милка прекратила сопротивляться и, поддавшись подхватившему её вихрю, понесла Шломо по направлению к лесистому холму из лысой верхушки которого выступала белая почти отвесная скала, к подножью которой они стремительно приближались. У самой земли вихрь остановился и закрутился столбом, приняв видимые полупрозрачные очертания. Милка и Шломо оказались в центре вихря, окружённые вращающимися вокруг них белёсыми паутинками и непонятно откуда взявшимися серебристыми бабочками. Вихрь замедлился, плавно опустив Милку и Шломо на землю, затем отделился от них и, вдруг вспыхнув, вобрал в себя пространство и превратился в маленькую стройную женщину в серебристых одеяниях, свободно спадающих с её плеч до самой земли.

Милка спохватилась первая и, согнув передние ноги, опустила свою голову на землю. — На колени, Шломо, это хозяйка! — шепотом чуть ли не замычала она на ребе.

Шломо не испугался. Он начал бесцеремонно рассматривать прекрасную женскую фигуру, выступающую из полупрозрачных одежд. Он и не подозревал, что женщина может быть так легко и идеально сложена. Восхитившись красотой тела таинственной чародейки, ребе поднял глаза на её лицо. Оно было почти простонародным: румяные крепкие щёки подпирала слегка широковатые скулы, разрез глаз был чуть-чуть монгольским, высокие изломанные брови окружали огромные, небесной красоты изумрудные глаза с длинными ресницами. Волнистые медные волосы свободно спадали на маленькие округлые плечи, чуть прикрывая изящную нежную шейку, украшенную ожерельем с гранёным магическим камнем в середине, изливающим бирюзовое сияние. Ребе внезапно охватили робость и смущение. Он был не в состоянии сопротивляться всесильным чарам женственности, которые, как бы давно зная его душу, призывали и заманивали всё его существо в какой-то бездонный омут, где уже не было ни времени, ни пространства, и даже самого Шломо уже не существовало, и где могла буйствовать только безумная и многообещающая страсть. Ребе почувствовал себя полностью попавшим под роковую власть этой маленькой волшебницы или колдуньи, последнее уже не имело для него никакого значения.

Ведунья, заметив смущение Шломо, улыбнулась и шагнула вперед, полупрозрачные одежды, сотканые из тонких серебристых паутинок, покрылись изящными складками, подчёркивающими грациозность её движений.

— Здравствуй, Шломо. Я Регина, хозяйка этих мест. Я знаю: у тебя дальняя дорога, но ты ведь не откажешься погостить у меня немного. — В её глубоком нежном голосе звучала просьба, лукавство и уверенность в своих чарах.

Покрасневший и полностью потерявший себя ребе застыл, не зная, что сказать. Регина опять улыбнулась и протянула Шломо маленькую изящную руку. Шломо неловко подхватил её и почти коснулся губами кончиков нежных пальцев.

— Следуй за мной, Шломо, — Регина повернулась лицом к скале, и тотчас в ней открылись узорчатые каменные ворота, от которых начинались мраморные ступеньки, ведущие в глубь горы. Ребе послушно последовал за хозяйкой. Перед первой ступенькой он всё же оглянулся. Милка, повернувшись к скале боком, спокойно пощипывала травку.

Ступеньки вели в зал, стены которого были выложены розовым мрамором. Посредине зала располагалась украшенная тонкой резьбой каменная чаша, из которой росли излучающие мягкий свет изумительной чистоты кристаллы. Из зала вёл широкий проход с наполовину утопленными в стенах колоннами по обе стороны. Между колонн со сводчатого потолка свисали гирлянды светящихся кристаллов, зажигающихся по мере приближения к ним. Шломо заметил, что теней в проходе не было. Перед входом в следующий зал Регина остановилась. Шломо, боясь к ней прикоснуться, остановился в двух шагах позади неё. Этот зал был намного больше предыдущего. Шломо увидел просторный овальный бассейн и бьющий из него высокий фонтан, свет струился со дна бассейна, преломляясь в мелких волнах и брызгах от падающих

вод. Регина повернулась к Шломо и, движением руки попросив его подойти вперёд, очаровательно улыбнувшись, произнесла:

— Ты мой гость, Шломо, и я хочу, чтобы ты искупался в этом бассейне. Он питается целебными водами трёх подземных источников, они освежат тебя и укрепят твои силы. А я встречу тебя в другом конце зала. — Ребе присмотрелся и увидел за бассейном ряд ступенек, поднимающихся к расположенной в нише зала каменной беседке.

Ребе проследил глазами за удаляющейся Региной. Затем послушно, как раб, выполняющий волю своей госпожи, снял с себя все одежды и осторожно вошёл в воды бассейна. Они оказались тёплыми, ароматными и насыщенными приятно ласкающими кожу воздушными пузырьками. Искупавшись, Шломо вернулся к месту, где он оставил свои одеяния, однако вместо них он увидел тонкого льняного полотна рубаху и штаны, белый атласный, украшенный вышивками, кафтан с застёжками и расшитые сапоги из мягкой кожи. Ребе не удержался от соблазна полюбоваться на себя в огромном серебряном зеркале, стоящем на мраморной подставке у края бассейна. Его лицо украсил лёгкий румянец, борода и волосы покрылись мелкими кудрями, седины вовсе не было видно. Кафтан и сапоги были ему в самый раз. Шломо расправил плечи и поднял голову, он чувствовал себя фантастически здоровым, невероятно сильным и наполненным страстными желаниями. Ещё раз посмотрев на себя в зеркало и оставшись вполне довольным своим внезапным преображением, помолодевший ребе лёгкой походкой отправился в сторону беседки, в которой уже стоял накрытый стол и где, грациозно откинувшись на резной каменной софе, устланной мягким ковром, его ждала прекрасная ведунья. О своей великой миссии ребе старался не вспоминать.

Регина, окинув подошедшего ребе быстрым взглядом, осталась вполне довольной происшедшей с ним переменой.

— Садись, Шломо, мне дано знать, что путь твой будет трудным и опасным, и я могла бы помочь тебе.

Шломо осторожно присел на краешек низкого каменного кресла, стоящего рядом с софой, отчего его глаза оказались на одном уровне с полуобнажёнными плечами и восхитительной грудью ведуньи. Хотя Шломо и понимал, какое эфирное создание находится перед ним, он опять засмутился. «Господи, – прошептал он про себя, — зачем же ты создал женщину?»

Лёгкая улыбка мелькнула на лице Регины. Она чуть-чуть привстала с софы, и амфора наполнила стоящие на столе изящные хрустальные кубки шипучим напитком.

— Ты ведь знаешь, кто я, не так ли? — спросила Регина после того, как они слегка пригубили из кубков.

О димонах, обитателях верхних миров, ходило множество легенд. Согласно одной из них, они были созданы Богом в сумерки после первой субботы. Прежде чем он успел доделать их, наступила ночь, и потому им не досталось тел. Зато они могли свободно перемещаться между мирами. Но на земле вблизи мест, где димоны находили источники силы, они могли принимать телесные формы. Многие верили, что димоны в образе прекрасных женщин заманивали людей в свои чертоги, и те уже никогда не возвращались оттуда. Однако великие мудрецы, в том числе Платон и сам Аризаль, проводили за столом с димонами ночи, беседуя о природе миров и о сути вещей, а потом доносили эти знания до людей. Было доподлинно известно, что димоны появлялись на земле ещё до появления человека, однако их посещения становились всё реже, а их магическая сила ослабевала. Шломо знал о свитке Великого Магида, в котором рабби Дов-Бер из Межерича зашифровал тайные знания, полученные им от димонов. Великий Магид в последние годы редко выходил из своего дома, но однажды он опасно заболел и попросил, чтобы его вынесли в сад посмотреть на цветущие деревья. Как только его оставили одного, вокруг него поднялся вихрь из белых лепестков, и Великий Магид исчез среди бела дня, к великому горю всех своих учеников. К счастью, ровно через две недели на том

же самом месте совершенно здоровый великий Магид появился в таинственных одеяниях из белого шёлка. В тот же день, а это был шабат, он собрал всех своих учеников на вечернюю молитву, и сияние, подобное огню, окружало его, — и весь дом наполнялся светом. Все ждали его рассказа о восхождении в высшие миры, однако после молитвы великий Магид удалился в свою комнату. Он вышел вечером на следующий день, помолился со своими ближайшими учениками и родственниками и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.